ПОЛКОВНИК ЕЛИСЕЕВ.

С ХОПЕРЦАМИ

ОТ ВОРОНЕЖА И ДО КУБАНИ

1919 - 1920 г.г.



Символический набросок отхода казаков от Воронежа...

Брошюра № 4

Нью-Йорк, 1962 г.

С ХОПЕРЦАМИ
ОТ ВОРОНЕЖА И ДО КУБАНИ
1919-1920гг.
/брошюра № 4-й/.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

1.- Мы отступаем. Мятель.

2.- Одна казачья трагедия.

3.- Драматическая картинка при отступлении.

4.- Сводно-кавалерийская дивизия.

5.- Встречи - генерал Науменко и полковник Рудько.

6.- Странныя строки Буденнаго/?!/.

7.- Новыя встречи,полковники Гамалий,Тарарыкин и есаулы Жуков и Ольшанский.

8.- Драма в нашей дивизии.

9.- Неописанная трагедия...

10.-Неожиданный и странный финал.

11.-Мы идем на Кубань. . . .

12.-В Б а т а й с к е . . .

13.-Что происходило тогда в Белом стане?

14.-И что происходило тогда в Красном стане?

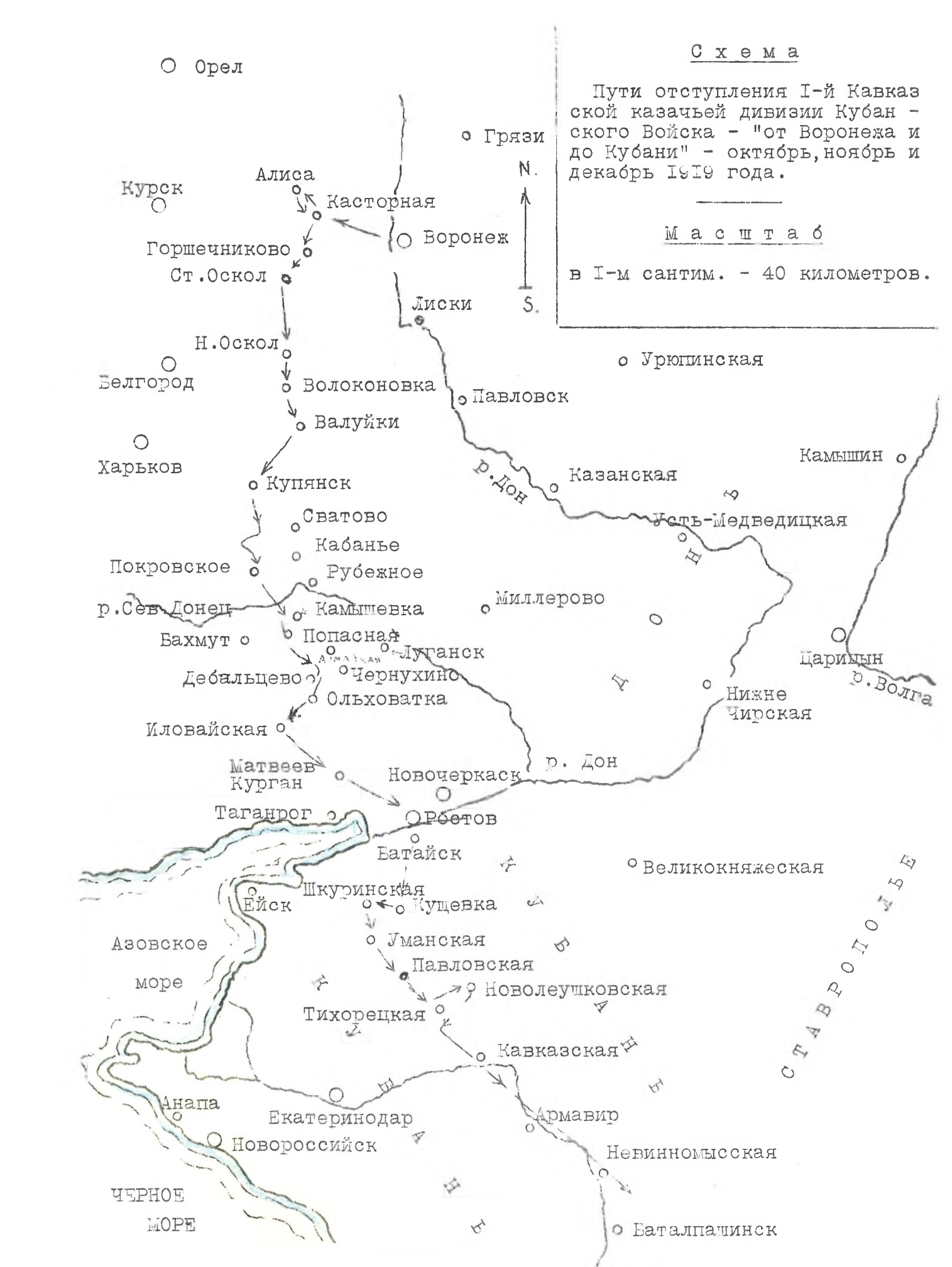
15.-Географическая карта отступления 1-й Кавказской казачьей дивизии от Воронежа и до Кубани.

— • —

Цена брошюры - 1 дол.Выписывать по адресу:
Theodore Elyseev, 502 W, 177 St. Apt. 1 C
New York 33, N.Y.

Написано в марте 1941-го года,г.Сайгон,Индокитай,
сокращенно издано в Нью-Йорке,в январе 1962 года.

Автор.


Схема
Пути отступления I-й Кавказской казачьей дивизии Кубанского Войска - "от Воронежа и до Кубани" - октябрь, ноябрь и декабрь 1919 года.
Масштаб
в I-м сантим. - 40 километров.
N.
S.
Орел
Грязи
Курск
Алиса
Касторная
Воронеж
Горшечниково
Ст.Оскол
Лиски
Н.Оскол
Урюпинская
Белгород
Волоконовка
Павловск
Валуйки
Харьков
Камышин
Купянск
р.Дон
Казанская
Сватово
Усть-Медведицкая
Кабанье
Покровское
Рубежное
р.Сев.Донец
Камышевка
Миллерово
Бахмут
Попасная
Луганск
Царицын
р.Волга
Дебальцево
Чернухино
Ольховатка
Нижне Чирская
Иловайская
Матвеев Курган
Новочеркаск
р. Дон
Таганрог
Ростов
Батайск
Великокняжеская
Шкуринская
Ейск
Кущевка
Азовское море
Уманская
Павловская
Новолеушковская
Тихорецкая
Кавказская
Анапа
Екатеринодар
Армавир
Новороссийск
Невинномысская
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Баталпашинск

С ХОПЕРЦАМИ ОТ ВОРОНЕЖА И ДО КУБАНИ - 1919-1920г.
/ брошюра № 4 /.

МЫ ОТСТУПАЕМ. МЯТЕЛЬ.

Это было южнее Старого Оскола и в первых числах ноября месяца.Красная конница Буденного,тесня 4-й Донской казачий корпус - угрожала фронту 1-й Кавказской казачьей дивизии.Неожиданно,в ночь,приказано отступать

2-му Хоперскому полку приказано итти левой,восточной,колонной.Лежал глубокий снег.Было очень холодно.С востока дул сильный ветер,неся с неба и земли мелкий сыпучий снег,пургу.

"Ажжайтя па-вяхам. .. а-то заплутаитясь... вишь какая пурга",говорит мне хозяин-крестьянин,у которого стоял штаб полка.

Не обратив внимания на его слова - с темнотою,с полком выступил на юг в село,отстоявшее в 15-ти верстах.

От села до села,у крестьян,действительно,были воткнуты хворостяные вехи и по ним легко было знать направление дороги,занесенной снегом.

К ночи мятель усилилась.Снег становился глубже на дороге,а вехи ниже. Потом вехи погнулись под давлением ветра,стали уменьшаться в своей высоте и,наконец,совершенно скрылись под снегом.Но это нас не тревожило.Полк прошел уже два часа похода и следующее село за 15 верст,считалось - вот-вот покажется.Но прошло и еще два часа похода - села нет.Бредя по сыпучему песку до животов лошадей - полк начал спускаться в низину и... завяз в снегу.Итти дальше было уже нельзя.Явно,мы сбились с дороги и заблудились.

Мне стало страшно и... стыдно.Страшно потому,что заблудился весь полк, мы не знаем куда идти?не ночевать-же в снежном буране? А стыдно потому, что - как мог заблудиться полк?

Остановились,не слезая с коней.Вперед,широкой лавой была выброшена 3-я сотня опытнаго офицера сотника Ковалева - во что бы то ни стало,найти - или дорогу,или село.

Сотня в 30 коней,тоня в снегу - скрылась в пурге.Закутавшись в бурки и башлыки,и повернув своих лошадей хвостами на восток,против пурги - мы все ждем вестей от разведывательной сотни.

Где то на юго-востоке,послышался лай собак,показавшийся нам так приятным,словно дуновение теплаго ветерка.А через час появился казак с донесением/словесным/,что село найдено и он проведет полк к нему.

Было уже глубоко за полночь,когда полк вошел в село и быстро разместился скучено в его западных окраинах.

Карт мы не имели.Где мы? как называется село? где противник? - ничего этого было неизвестно и самому командиру полка.

"Кто здесь в селе?... белые или красные?"спрашиваю я хозяина,довольно зажиточнаго и многосемейнаго,с сыновьями наших лет.

"А хтой-е-знае... сяло бальшая... на семь вяротов растянулась.. можа хто там ій е",отвечает мне,не так уж пожилой,мужик,столь диким выговором русских слов.

Не столь с этих слов,но с выражения лиц всей семьи,мне показалось, что хозяином что-то недоговорено.Допрашивать же было и некогда и не время

Казаки устали, промезли, были голодны. Сказан командирам сотен, что бы всем быть на-чеку - заснули мертвым сном. А на утро обнаружилось, что красная конница, еще вечером, вошла в это длинно-растянувшееся село и ночевала в восточной окраине его.

На наше счастье, они не выставили сторожевого охранения в зап. направлении; не знали, что в него вошли казаки ночью; полк, отдохнув - с проводником двинулся в назначеное по заданию село.

Будь-же красные по квартирам в нашей стороне, да еще без сторожевого охранения - казаки, ища крова и отдыха, и натолкнувшись на них, спящих - трудно представить - чем-бы это все закончилось?

ОДНА КАЗАЧЬЯ ТРАГЕДИЯ.

Мой полевой заведывающий хозяйством, есаул Крамаров, ввиду наших общих отступлений - оторвался от полка и потерял с ним связь.

Приготовив фураж для полка и оставив денной обоз в одном из сел - он, на легких городских санках, в которым едва могло поместиться три человека, выехал в Старый Оскол, предполагая, что его полк должен быть там.

В санках, в упряжке, был его собственный строевой конь образца кавалерийских полков - высокий, сильный и в отличном состоянии. С ним был его родной брат, студент и больной подпоручик-пулеметчик, житель Ставрополя.

Крамаров, сподвижник Шкуро в его первых возстаниях на Кубани - был опытный и храбрый воин. При себе, в санках - он имел ручной пулемет системы "Люиса". Я, как-то, подтрунил над ним, над его вооружением при обозе, но он невозмутимо ответил:

"Ничего, господин полковник... Все может случиться. А ежели при мне пулемет - то я ничего не боюсь, даже, если на меня и наскочат красные".

Трунили над ним и офицеры, старые хэпры, за его несладный вахмистерский язык и манеры воинскаго обращения. Но все они были очень довольны, в особенности я, т.к. он энергично и умело доставал фураж для полка. В нем сказался старый опытный вахмистр сотни в этом отношении - забота о лошадях. И вот здесь, как дельный служака - он, приготовив фураж - поехал вперед, что бы розыскать свой полк и накормить его.

Навстречу им шла конница. И когда Крамаров узнал, что это красные - было уже поздно....

Повернув назад и пустив своего мощнаго коня полным карьером, отстреливаясь из пулемета - уйти было нельзя. Головные дозоры красных, стреляя на карьере - убили брата. Он вывалился из санок. Больной офицер-подпоручик так же вывалился из них. Сам есаул Крамаров, успел вскочить в село. Бросил санки, вбежал в хату крестьянина и, идя на риск, разсказал ему - кто он, просил дать ему крестьянскую одежду и спрятать его. И добрый крестьянин спас неизвестнаго ему офицера-казака.

В село вошел полк красной конницы и расположился по квартирам. Крамаров идет на следующий риск. Этот полк состоял почти полностью из Донских казаков. Им командовал бывший вахмистр-донец. Крамаров явился к нему и сообщил, что он есть крестьянин... выгнан был белыми в подводы... и от которых сбежал. Теперь он хочет поступить в ряды красной армии, что бы сражаться против белых...

Догадался ли красный донец-вахмистр, кто перед ним стоит? Понял-ли он Крамарова как казак казака? Крамаров этого не определил, но командир отнесся к нему сочувственно, дал ему коня с седлом и зачислил к себе в ординарцы. Крамаров сказал, что его фамилия "Шаталов".

— ° —

Наша дивизия отступала. Прошло дней десять. О гибели Крамарова с обозом было забыто по ходу тревожнаго времени. По пути, дивизия остановилась

на короткий привал в маленьком хуторке.В крайней хате,генерал Шифнер-Маркевич,со старшими офицерами,разсматривая карту,информирует о положении фронта.Неожиданно открывается дверь и входит Донской генерал со своими офицерами.То был генерального штаба,генерал Калинин,начальник 10-й Донской казачьей дивизии.Его дивизия подошла к нам с северо-востока.Генералы познакомились и Шифнер-Маркевич,с Калининым,обратились к карте.

От холода,небольшая комната,наполнилась офицерами,кубанцами и донцами.Все закурили в тепле.Чад и дым коромыслом окутал всех....

Генерал Калинин говорит Шифнер-Маркевичу,что он был начальником штаба в 4-м Донском корпусе у генерала Мамантова,в его рейде по тылам красных.Он критикует Мамантова,что он не слушался советов своего начальника штаба и сидя в экипаже,запряженной тройкой лошадей - впереди полков - ходил в атаку.При этом генерал Калинин показал - как,именно,Мамантов сидел в экипаже - "откинувшись назад"...Шифнер-Маркевичу,явно,не нравится этот разговор и он предлагает еще разсмотреть карту.Не нравится и мне критика Калининым своего храбраго начальника.Да и мне показалось, что идти в конную атаку в экипаже,и впереди полков - более опасно,чем сидя верхом.Подстрелена-ли будет упряжная лошадь,или сломается колесо в экипаже,то - что тогда делать,если красные отобьют атаку? И мне генерал Мамантов очень понравился,и оригинальностью и,определенно,своею смелостью.

В комнате,единственной в хате,наполненной офицерами в бурках,в шинелях и папахах,почти все курящими - было тесно и душно.От дымнаго чада - полумрак.

"Господин полковник - разрешите зайти?" - слышу я что-то очень знакомый голос через открывшуюся дверь,но не могу узнать - кто это? И не знаю - к кому он направлен,при наличии в комнете двух генералов и нескольких полковников.

"Кто это там мешает нам?",как никогда,нервно бросает к двери генерал Шифнер-Маркевич,явно,недовольный словами генерала Калинина о Мамантове.

"Ваше Превосходительство!Я есаул Крамаров... бежал из краснаго плена... Разрешите мне явиться своему командиру полка,полковнику Елисееву?" вдруг слышим мы.Все невольно повернулись к двери.

"От красных?.. когда?...Идите сюда?" быстро произносит Шифнер-Маркевич,выпрямившись от карты на столике.

Комаров,широкими своими плечами раздвигая толпу офицеров,приблизился и отрапортовал по-воински так,словно он прибыл из отпуска,а не бежал из краснаго плена,куда попал так трагически.И он разсказал то,что здесь написано,добавив,что - посланный с донесением куда-то - переменил направление и скрылся.И достиг своего казачьяго стана - "на вражеском коне", как поется в одной из казачьих песен.

После ознакомления о положении на фронте - дивизии выступили:- 10-я Донская на юго-восток,а наша 1-я Кавказская казачья - на запад.

Не лишнее сказать о личностях.Генерал Калинин:- выше средняго роста, стройный и воински подтянутый.Ему тогда было,думаю,не свыше 40 лет. В марте и апреле 1920 года,он отходил в составе 4-го Донского корпуса на Туапсе-Сочи-Адлер и играл положительную роль в спасении своих Донских казаков и их семейств в этом районе.Потом проживал в Париже.Там мы не раз встречались.В Париже он и умер лет пять тому назад.

Есаул Крамаров,инвалид,проживал так-же в Париже.Своего соратника - я не раз поддерживал.Он всегда был бодр духом.Разстался с ним в 1949 году, уезжая в Америку.О Шифнер-Маркевиче еще много будет мною написано.

ДРАМАТИЧЕСКИЯ КАРТИНКИ ПРИ ОТСТУПЛЕНИИ.

Разставшись с Донцами - наша дивизия двинулась на запад. Шли без дорог. Бугорчатая безлесая мастность. Кочковатые поля жнивы. Снегу мало, но мороз твердый. Никаких сел. Останавливались, наблюдали по горизонту. Разъезды противника не обнаружили. Уже вечерело. Шифнер-Маркевич круто повернул дивизию и двинулся на юг. Все устали и были голодны. Терская батарея Есаула Соколова едва поспевала за полками. Местность шла под уклон и скоро, внизу, мы увидели село. Оно растянулось тонкой линией с запада на восток. В восточной стороне села, на "лысом" возвышении, стояла белая церковь и вокруг площади - большие дома. То был центр села. Западная же часть села лежала внизу. В него вошли полки уж с темнотою. 2-й Хоперский полк шел в арьергарде, которому приказано было разместиться в западной части и от себя, в своем районе, выставить сторожевое охранение. 12 полковых пулеметов, от усталости лошадей растянувшись - вошли в село последними и расположились в первых же хатах северной стороны села, разделенные от штаба полка одной продольной улицей.

Это село было Покровское и, хотя оно входило в Курскую губернию, - население его было украинское. Чистота в хатах, достаток и любезность "хохлушек", так похожих на наших женщин-казачек - резко отличались и от бедности крестьянского населения русских сел, и от примитивности их изб "с палатями" под потолком, на которых, порою, спали 2-3 пары женатых сыновей со своими женами; и от забитых нуждою-ли, обычаями-ли, иль остатками крепостного права женщинами-крестьянками, какими-то боязливыми перед казаками и не разговорчивыми.

Штаб полка расположился в чистом домике, особенно любезных молодых хозяюшек, но чисто говоривших и по-русски.

Штаб полка.... Что значит штаб полка того времени? Это были - командир полка, полковой ад,ютант, 12 ординарцев от сотен и, тогда, к моему неудовольствию, прибывшия две сестры милосердия. Вот и весь штаб полка. Во 2-м Хоперском полку того времени не было - ни помощников командира полка, ни полкового врача, ни ветеринарнаго доктора, ни полкового священника. И два конных вестовых - командира и ад,ютанта. Кстати надо сказать - никаких деньщиков у офицеров не было. Их функции отправляли их же конные вестовые.

Хозяева угостили нас хорошим ужином и подали, даже, "моченый арбуз", который приготовляется, кажется, только на Украине и у казаков Юга России. Мы едим его впервые здесь, как свое родное кушанье, почему и с аппетитом.

Село Покровское лежит на жел. дороге, юго-восточнее Белгорода. Молодая хозяюшка, замужняя женщина, подавая ужин и прислуживая, сказала, что накануне, в селе была красная конница, немногосея, а сколько - она не знает. И что они взорвали жел. дор. путь и вернулись к себе, откуда пришли.

Это мне не понравилось. Значить, красные здесь где-то близко. Но, уставшие, хорошо покушавшие - все мы, штаб полка, на чистых постелях, заснули приятным сном. Ординарцы в другой комнате. Лошади - под сараем.

Во все время отступления от Воронежа - все мы офицеры, не говоря уже о казаках - всегда спали не раздеваясь, сняв лиш шубы, у кого они были, и оружие. Я всегда спал в черкеске, разстегнув гузики, и в наговицах, сняв чевяки. Никогда не разседлывались и лошади. Просто - опасно было разседлывать в вечно тревожной обстановке. Так было и теперь, в злосчастном селе Покровском Курской губернии.

Сквозь сон слышу, что кто-то быстро, с вала, спускает бадью в колодец, стоявший около дома, и из котораго вчером ординарцы поили лошадей. Проснувшись, и взглянув на часы, вижу - 4 часа утра. Кто бы мог так рано брать воду? Лежу и прислушиваюсь. Колодезный вал вновь быстро "заговорил" своим особенным цокотанием. А через несколько секунд - вновь, слышу: - "цак-цак-цак!... цок-цок-цок!"... Что за странность, думаю: - вал только опускается в колодец, но не поднимается с бадьею воды вверх?

Быстро выхожу на крыльцо, что бы узнать - что это такое? И только что открыл дверь, как "вал колодца заговорил вновь", и над нашим двором пронесся сноп пулеметной очереди. Спросонья, цокание пулеметов, я принял за цоконье вала колодца.

"Красные в селе!"... крикнул я громко в свою комнату и в комнату ординарцев. Все взметнулись как по элетрическому току. Красные пулеметы заговорили чаще. Ими обстреливалось все село. Весь штаб был уже в седлах. Одна сестра никак не может сесть на своего маленького конька, который от холода и пуль не стоит на месте. Сестра в валенках, почему никак не может вложить ногу в стремя. То, что я не любил пребывание сестер в полку - - только подтвердилось в этот, опасный для полка, момент. У меня мелькнула каверзная мысль - "оставить сестру здесь". Кстати, она из Воронежа, к полку присоединилась недавно, в походе, покинутая "тем", кто вывез ее из Воронежа, от семьи.... Пусть, промелькнула мысль, остается здесь и возвращается в свой Воронеж! Все село полилось жестоким пулеметным огнем.

Шумно прискакали к штабу полка уже три сотни казаков. Чего же мне беспокоиться о сестре милосердия, которая ею и не была по профессии? Но, заговорило другое чувство, чувство жалости к беспомощной молодой женщине-девице. Она со средним образованием, стройная, хорошо воспитанная и добрая по характеру. И от красных ушла добровольно. Быстро соскакиваю со своей рослой кобылицы "Ольга", безцеремонно схватывая эту маленькую женщину одной рукой поперек у груди, а второй между ея ног и быстро вскидываю в седло как легкий мешок с овсом.

К прибывшим сотням скакали одиночные казаки со всех сторон, но к своему ужасу, я вижу и пеших казаков, которые, через дворы - шарахнулись прямо к югу, "в сторону Кубани"....

"А кони где?" кричу им в темноте.

"Красные уже во дворах, господин полковник!...и мы не успели их вывести из сараев" - отвечает кто-то.

Огонь красных щедро посыпал село из многих своих пулеметов. Что вокруг делалось - в ночной темноте не было видно, только чувствовалось, нервность всех. И, подав единственную команду собравшимся сотням - "ЗА МНОЙ!" - крупной рысью двинулся по соседнему переулку на юг.

Полк прошел жел.дор.полотно, здесь же у села и уперся в глубокий овраг с крутыми и каменистыми берегами. С большим трудом сделали его, взобрались на противоположный берег и остановились. И ждем. А чего? Во 1-х, продвижение красных, а главное - надо связаться со штабом дивизии и Сводно-Партизанским полком полковника Соломахина и Терской батареей есаула Соколова, которые расположились на ночь вокруг штаба генерала Шифнер-Марневича. Офицерский раз,езд, высланный на восток у не нашел их. С разсветом высылаю вновь раз,езд и с полком следую за ним, на восток, где и нашел свои главныя силы. Шифнер-Марневич молчит. Соломахин-же, неловко улыбаясь, спрашивает: - "Как у Хопров? Все-ли цело, в порядке?" И добавляет, что четыре орудия Терской батареи, которые стояли без уносов на площади - так и остались там... не успели вывезти.

Командир батареи, есаул Соколов, нытик и критик, но умный и энергичный офицер - он разводит руками и кого-то вновь ругает, но не себя, что он потерял все свои пушки. От этого становится, немного, весело.

Начало светать, и мы видим с высокого своего бугра, как конница красных свыше сотни всадников и до десятка саней с пехотою и пулеметами, оставив село, поднимались к себе, на противоположный нам бугор. Я хочу разсмотреть "эту картину", но вдруг обнаруживаю, что на моей груди, как всегда, нет моего бинокля. И вспомнил, что войдя в комнату, вложил его в футляр и положил на столик-божничку у иконы, стоявшей в углу, около моей кровати.

Банкротство, банкротство!... постыдное банкротство! - пронеслось досадно в голове. Сам командир полка потерял и бинокль свой. Ну не шляпа-ли он?!

Красные,наскочив,к утру оставили село.В бинокли обнаружили,что наши пушки стоят на площади на своих местах.Шифнер-Маркевич приказал немедленно-же взять село.И мы его взяли без выстрела.И обнаружили,что "замки" с пушек сняты и увезены,но орудия не попрчены.В нашем полку нехватало нескольких пулеметов..

"Где Ваши пулеметы?" строго спрашиваю сотника Медяника,офицера из урядников,маленькаго ростом,но молодецкаго начальника.И он растерянно докладывает,что вчера,за долгий марш по кочковатой дороге,кони настолько были утомлены,что он,войдя в село с пулеметной командой,расположился на ночлег в крайних хатах.Их,первыми-же,и обстреляли красные из пулеметов.И казаки,бросив не только что пулеметы,но бросили и своих верховых лошадей и пешком,через дворы,спасались,торопясь к полку.

Трудно было винить кого-бы то не было в этом,столь неприятном деле. Важно было то,что не было потерь в людях.Все ушли.Материальная-же часть полка - всегда может быть пополнена,- так разсуждал я тогда.И все же, полк потерял 6 пулеметов и до тридцати лошадей - упряжных и верховых.Все они были пулеметной команды.

Скачем в свой штаб и... наша милая хозяюшка-хохлушка - с доброю улыбкой подает мне мой бинокль "Цейса",говоря - когда мы выскочили из села, она обнаружила забытый бинокль и спрятала его.Красные,по ея словам,вскочив в их двор - быстро сделали обыск и,ничего не найдя,ушли.

Наше предположение тогда было такое,что набегу красных,как проводники помогли некоторые местные крестьяне.Дивизии нанесен был моральный удар и материальный ущерб.Генерал Шифнер-Маркевич никого не ругал и молчал. Умный генерал знал,что ругать за это - н е к о г о.

СВОДНО-КАВАЛЕРИЙСКАЯ ДИВИЗИЯ.

О сосредоточении большой конной группы севернее Купянск-Валуйки,куда из под Царицына был переброшен 2-й Кубанский конный корпус - мы ничего не знали,его еще не видели,но в наш район 1-й Кавказской казачьей дивизии,в район Валуек - прибыла неведомая нам Сводно-кавалерийская дивизия.

Как всегда,мы,два командира полка,Сводно-Партизанскаго полковник Соломахин и Сводно-Хоперскаго,автор этих строк, часто находились в штабе дивизии,что бы быть в курсе событий.Вернее - этого хотел генерал Шифнер-Маркевич.Бывал часто и командир Сводно-кавалерийскаго полка,старик-полковник князь Гагарин,о котом я писал в предыдущей брошюре.Гагарина нет. Он со своим малочисленным полу-конным полком был в другом месте.Мы втроем в крестьянской хате,где-то под Валуйками.Совершенно неожиданно для нас с Соломахиным,в комнату вошел высокий стройный кавалерийский генерал лет 45-ти,по росту и телосложению похожий на генерала Врангеля.На нем мундир был мирнаго времени с ярко-желтыми отделками,выпушками,петлицами и кантами на темном фоне сукна. Он был без шинели,в мягких сапогах с изящными шпорами и с блестящими погонами.Серебро и желтизна - ярко выделялось во всем.Что нас удивило,так это то,что на поясе висела кривая кавалерийская сабля в металической ножне,и на длинной портупее,как это было в кавалерии мирнаго времени.Представившись нашему генералу,в распоряжение котораго прибыл с дивизией,и не обратив никакого внимание на нас,двух казачьих полковников в черкесках - он сразу же стал жаловаться Маркевичу на Главное Командование,что его дивизию....

"Позвольте представить Вам,Ваше Превосходительство,моих доблестных командиров полков,полковника Соломахина и полковника Елисеева" - перебивает доклад учтивый наш начальник дивизии,генерал Шифнер-Маркевич."Желтый генерал",так буду я его пока называть,незная фамилии - он повернул голову

прищурился так,как близорукая Леди,рассматривает через лорнет незнакомаго человека,и потом,легким,чуть заметным наклоном головы в нашу сторону,показал,что "он нас приветствует",но руки не подал.И продолжает свою жалобу нашему генералу,выговаривая слова чисто "по-корнетски",как это принято было "когда-то"/Я постараюсь хоть немного передать это произношение русских слов,исковерканных подобными,и немногими,кавалерийскими молодыми офицерами.Но то,что их так произносил генерал и начальник дивизии - было "удивительно" и слышать и наблюдать/. Так вот они:

"Зняет-те,Ваш-ше Превосхеддительство,эт-то вязмутительно!.. Мой-я дивизия еще не зякончила свой-его фермир-рования!...У мен-ня в пелках телько по пол-эскадрон-ну!...тельзя по 60 забель в каждом... и в-вот, извольте - вдруг дивизию посылают на фронт!... Как я не д-докезывал - Главнокемандующий не песлупал меня".При этом генерал не стоял на одном месте,а повораживался на низких каблуках своих мягких сапог то вправо,то влево,как бы призывал слушателей в свидетели той несправедливости,которую над ним учинил главнокомандующий,т.е.генерал Деникин.Мы с Соломахиным слушаем,стоя в стороне и молчим,конечно,а умный Шифнер-Маркевич,глядя вниз,на столик свой,с улыбкой отвечает ему.

"Нич-чиво... нич-чиво! У нас в сотнях по 30 шашек,и вот - воюем.Помогите и Вы нам".

На следующий день,мы познакомились с этой дивизией.Под,ем и уборка лошадей у них по сигнальной трубе,как в мирное время.Все лошади кабардинской породы,рослые и в хороших телах.Она формировалась где-то в Дагестане и ровно шесть месяцев.Солдаты хорошо одеты.К выступлению - полки выстраивались,так-же,по сигнальной трубе.Вахмистра командовали протяжно своим младшим офицерам в эскадронах,а потом те - своим эскадронным.Но вот начались бои и полки стали "таять":солдаты,группами,переходили к красным с казенными лошадьми,седлами,вооружением,с обмундированием.В одном бою,в наш полк прискакал корнет,офицер лет тридцати и доложил мне,просясь в полк,с жалобой: - он выехал со своим взводом в разведку.И когда они вышли в нейтральную зону,то его унтер-офицер,запросто сказал ему,что они против своих братьев воевать не будут... насилия над ним делать не хотят,т.к.он хороший человек и отпускают его с миром назад,а они поедут дальше и переждутся в красную армию.

Генерал Деникин,в своем труде "Очерки Русской Смуты",том 5,стр.236, коротко указывает,что на усиление конной группы,он включил в состав Донской армии "не казачью дивизию в 700 шашек".Это была эта самая Сводно-кавалерийская дивизия.

А Буденный,в книге "Пройденый путь",на стр.357 пишет,что - "В районе Рубежной,,белые потеряли до 500 человек зарубленными,в том числе командира дивизии генерал-майора Чеснокова и трех командиров полков."

Мы тогда что-то слышали о катастрофе этой дивизии,но в исторической литтературе "белых" - этого я не встретил.

И невольнр закрадывается обида за нашу Казачью конницу,совершенно безплатную для государства,всегда подготовленную и обученную еще в станицах "малолетками",не говоря уже о тех казаках,кто прошел военную свою действительную службу в мирное время,провел Великую войну 1914-17гг.,которые - в грозный час насилия красни над ними,над их хозяйством,над их душами - все сели на коней,психологически с детских лет подготовленых к войне и,уже к осени 1918-го года - полностью очистили от красных армий территории земель Дона и Кубани,ничего не получая от Главнаго командования;даже оружие и патроны - доставая в боях от противника только конными атаками.И кто оценит эту жертву и доблесть Казачества?!

ВСТРЕЧИ - ГЕНЕРАЛ НАУМЕНКО И ПОЛКОВНИК РУДЬКО.

1-я Кавказская казачья дивизия генерала Шифнер-Маркевича,в стыке Донской и Добровольческой армий,представляла собою маленький,забытый всеми, осколок Кубанских казаков шашек в 600,при 2-х десятках пулеметов и 4-х орудиях Терской казачьей батареи есаула Соколова.Дивизия вела бои совершенно самостоятельно и лишь тогда,когда "откуда-то" наседал на нее противник.

Возглавление дивизии генералом Шифнер-Маркевичем - это была единственная наша духовная отрада и веская надежда,что этот умный,добрый,храбрый и деликатный начальник,лишенный всякого тщеславия - ведет нас совершенно правильно.Казаки ему верили и следовали за ним безбоязненно.

В последних числах ноября 1919г.нами был оставлен Кулянск.Красная конница Буденнаго заняло большое село Сватово и стали накапливать там свою пехоту.Нам издали,на голой местности, видно было как подходили поезда и шла выгрузка пехоты красных.

4-й Донской корпус генерала Мамантова отошел в село Кабанье.Мы слышали что в этом районе сосредотачивается сильная группа казачьей конницы,которая,под командованием Мамантова,должна нанести сильный удар красной коннице Буденнаго.Он и состоялся.Был временный успех.О нем Буденный пишет:

"Используя свое численное превосходство,противник /казаки,Ф.Е./ перешел в контрнаступление.Начался ожесточный бой.Белые контатаковали на узком фронте,разсчитывая прорваться в тыл нашей 4-й кавалерийской дивизии, окружить и полностью уничтожить ее.

Несмотря на высокую боеспособность 4-й дивизии - трудно сказать - каков был-бы исход боя,если бы к тому времени,когда Городовиков /Донской калмык-урядник,Ф.Е./ уже взел в бой все свои резервы,не подошли бы на помощь наши бронепоезда.При блестящей поддержке бронепоездов,сопротивление белых было сломлено"/стр.356/.

При таком положении южнее Сватова - к Сводно-Хоперскому полку были приданы:- Волчий солдатский баталион/детище генерала Шкуро/,которым командовал молодой и маленький ростом полковник в вольчьей папахе,очень удачно руководивший им/,солдатская пешая батарея в 4 полевых орудия и группа сапер.Это отряд занимал арьергардныя позиции дивизии под моим командованием,к западу от жел.дороги.

Ничего не зная о боевой обстановке под Сватова - вдруг получаю телефонограмму от генерала Шифнер-Маркевича,что - "С северо-востока двигается в райсн дивизии 2-й Кубанский корпус генерала Науменко - не примите его за красную конницу".

Это так было неожиданно.Во 1-х - мы и не знали,что с Царицынскаго фронта переброшен сюда этот корпус,а во 2-х - я не знал,что им командует генерал Науменко,считая,что он в Екатеринодаре и занимает,как и раньше, пост Походнаго Атамана.

Обрадованный таким известием - быстро выезжаю с вестовым в свое сторожевое охранение,что бы встретить нашего старшаго Корниловца,доложить обстановку и пригласить на обед.

Издали вижу тонкую конную колону казаков человек в 150.Сблизились.Впереди нея,на невзрачной усталой лошади,идет казак маленькаго роста,одетый по зимнему в самый обыкновенный черный казачий "кожух".Полагая,что он является начальником этой колоны - беру под-козырек и представляюсь - "Командир 2-го Хоперскаго полка,полковник Елисеев".

Услышав мои слова,всадник быстро приосанился,взял так же под-козырек и произнес: - "Командир 2-го Запорожскаго полка,полковник Рудько".

"Вы есть тот сотник Рудько,бывший образцовый начальник учебной команды 1-го Запорожскаго полка в Кагызмане?" - любознательно и быстро спрашиваю его.

"Да... это я...а Вы откуда это знаете?"- удивленно отвечает он.

"А знаете-ли Вы хорунжаго Володю Кулабухова,переведеннаго от Вас в наш 1-й Кавказский полк?...вот он и разсказывал нам о Вас",отвечаю ему.

Колона остановилас."А где же Ваш 2-й Запорожский полк?"

"А вот он и весь полк,позади меня... полтораста шашек",отвечает он, повернувшись назад в седле и рукою указав на на растянувшихся казаков в колоне "по-три".

Невдаваясь в подробности - спрашиваю его - где генерал Науменко,прошу его к себе на обед.Он двинулся к селу,а я остался ждать новую колону казаков,показавшуюся со снежного переката.

Грузным уставшим шагом,по размятой снежной дороге - подходят главныя силы корпуса.Впереди нея,так хорошо мне знакомыя,и фигура и лицо генерала Науменко.Рядом с ним узнаю начальника штаба корпуса,генеральнаго штаба полковника Егорова,знакомаго мне еще по Манычу весной этого-же года,в той же должности,но у генерала Улагая.Генерал Науменко смотрит на меня,вначале,удивленно,как смотрят на знакомаго человека,котораго совершенно неожиданно встречают там и тогда,где меньше всего ожидают встречи.

Крупной рысью еще на неиз,ежженой своей кобылице "Ольга" подхожу к нему,беру под-козырек и докладываю:

"Ваше Правосходительство...я и гг.офицеры полка просят Вас пожаловать к Хоперцам на обед".

Науменко,думая,что я рапортую официально - так же взял руку под-козырек,не меняя серьезности своего лица,но услышав о частном приглашении-он приятно улыбнулся и протянув мне руку,ответил:

"С удовольствием,Елисеев,а вот как мой начальник штаба?" И обращаясь к Егорову,спрашивает его:

"Можем-ли мы поехать?"

"Да,конечно!" - отвечает он,ласково улыбаясь мне и так же протянул руку.

Из этих слов я понял,что генерал Науменко спрашивал своего начальника штаба - "позволяет-ли боевая обстановка к этому?"

Мы идем рядом.Вначале говорим о делах фронта,о старших начальниках, о наших неудачах и,вообще,о грозных событиях.Он рад,что я вновь командую полком и этим,как-бы,заглаживает то,как он меня отозвал из Корниловскаго полка.

Военная среда имеет такт корректности и уважение к старшим.Это достигается воспитанием в военных училищах.

Обед прошел скромно,но все офицеры штаба и полковник Рудько,с удовольствием ели горячий казачий борщь с холода.Мы,Корниловцы,привыкли видеть генерала Науменко всегда веселым,общительным и разговорчивым.Но тогда,за обедом,он им не был.Что-то его,видимо,удручало.Никто тогда у нас в дивизии не знал,что у него вышло расхождение с Краевой Радой и он должен был уйти с поста Походнаго Атамана.Не знали мы тогда,что его корпус потерпел поражение на Северном Донце и,как потом говорили,много казаков утонуло в Сев.Донце,прижатые к реке конницей Буденнаго.Генерал Фостиков писал мне сюда,в Нью-Йорк,что на глазах Науменко,провалился под лед командир 1-го Лабинскаго полка полковник Юрий Кравченко с двумя своими ординарцами и... утонул.Такия трагическия картинки для чуткаго человека незабываемы.Кравченко окончл Елисаветградское кавалерийское училище в 1911 году и вышел в 1-й Лабинский полк хорунжим.Жуткая трагедия.

Молодым офицером провел Великую войну 1914-17гг.на Турецком фронте, теперь возглавил свой храбрый 1-й Лабинский полк,как мало досягаемая мечта каждаго строевого офицера,и вот - так жутко погибнуть...

Встреча и знакомство с полковником Рудько была для меня особенно приятна и интересна потому,что о нем,от хорунжаго В.Н.Кулабухова,переведеннаго из их полка в наш - мы все слушали только восторженный отзыв,как об отличном и образцовом офицере.В понятии Кулабухова - сотник Рудько почитался среди молодежи "полковым богом" 1-го Запорожскаго полка по знанию воинских уставов и любви военной службы.К тому-же - он был очень скромен в жизни.Он не пил спиртного,не курил и женщин боялся как огня и избегал их.Все это вместе взятое,вселили в мою душу чувство глубокаго уважения к этому выдающемуся строевому офицеру нашего Кубанскаго Войска.Я полюбил его за-глаза.И вот теперь,пять лет спустя,и в такой неожиданной и неуютной обстановке - я познакомился с ним,который,на своем сивом захудалом коне,в своем простом черном казачьем кожухе без погон,с обветренным лицом,при драматическом отступлении - он был совершенно некрасочен внешне.

Личная скромность сквозила в нем и теперь и только украшала его в моих глазах.Это была единственная наша с ним встреча.Больше я его никогда не видел.

Как и в своей полковой учебной команде -в Катызмане-, в Югославии,в своем полку, он создал отличный хор и славил им Родное Войско,где было можно.И умер он там-же,в Югославии,оставив о себе только светлую память.

После скромнаго,но сытнаго,обеда с горячим казачьим борщем во 2-м Хоперском полку - дорогие гости двинулись дальше на юг,отступаючи,как отступал и общий фронт наш...

СТРАННЫЯ СТРОКИ БУДЕННАГО!?...

В своей книге "Пройденный Путь",на стр.319 и 320,он пишет: - "22 ноября нов.стиля - дивизии перешли в наступление.В то время,когда фланговыя дивизии совершали глубокий обход Стараго Оскола с востока и юга - 4-я дивизия,отрезав действующие бронепоезда белых - ворвалась на станцию Старый Оскол и,почти без выстрела,захватила в эшелонах прибывшую сюда бригаду корпуса Улагая.Произошло это так: впереди и позади эшелонов бригады было разобрано жел.дор.полотно.Оказавшись под угрозой уничтожения из пулеметов,выдвинутых нашими бойцами по обе стороны жел.дороги - белоказаки выскакивали из вагонов вместе с лошадьми в глубокие кюветы,забитые снегом.Никаких подмостков,либо приспособлений для выгрузки не было; и удивительно,что ни одна лошадь неполучила увечий,без чего не всегда обходится,даже,организованная выгрузка.

Была захвачена и вторая бригада Улагая,подходившая к Старому Осколу с юга.

Таким образом,две бригады 2-й Кубанской дивизии Улагая почти полностью были взяты в плен.Следовавшей за нею 4-й Кубанской дивизии,удалось выгрузиться и вступить в бой".

Все это очень странно.Ни тогда,ни потом,мне не приходилось слышать об этом.И нужно полагать,это есть чистейшая фантазия Буденнаго.

Странно было то,что наша дивизия редко имела живую связь с частями 4-го Донского коннаго корпуса генерала Мамантова,встречаясь лишь случайно при отступлении,начиная с Касторной;так-же случайно встретились со 2-м Кубанским конным корпусом генерала Науменко,а западнее от нас - совершенно не имели этой живой связи с частями 1-го Армейскаго корпуса генерала Кутепова.

Мы,командиры полков,совершенно не знали о сосредоточении здесь "сильной конной группы,что бы разбить красный конный корпус Буденнаго",как пишет об этом генерал Деникин.

Да и какая это была "сильная ударная конная группа",которой должен был нанести удар и разбить группу Буденнаго генерал Мамантов?

Генерал Деникин,в своем труде "Очерки Русской Смуты",том 5.на стр.236 определяет их так:
а/- 4-й Донской конный корпус генерала Мамантова . . . . . 3.500шаш.
б/Кубанския конныя дивизии,прибывшие из под Царицына - 500-800 шашек.
в/- Не казачья дивизия/видимо ген.Чеснокова,о которой я пишу/-700саб.

2-й Кубанский конный корпус состоял из двух дивизий - 2-й и 4-й - всего 8 полков.Взяв среднюю цивру для дивизии 600 шашек,выходило,что каждый полк имел только 150 шашек.Это,конечно,не была сила,присланная в помощь со стратегической задачей.

Сводка Донской армии,помещенная в "Трагедия Казачества",том 3,страница 629,указывает - для своего 4-го Донского - 3.500 шашек,
- 2-го Кубанскаго корпуса .- - 600 шашек
-наша,1-я Кавказская дивизия - 300 шашек.

Бо́льшинство строевых начальников,когда бывают требования в интендантство,то они увеличивают число бойцов своих частей,а когда требуются серьезные боевые действия - уменьшают цифру их.В данном случае,не зная численную силу 2-го Кубанскаго корпуса тех дней - о своей дивизии должен точно подчеркнуть,что она имела тогда около 600 шашек в строю,не считая пулеметных полковых,и дивизийной пулеметной,команд.
Кроме того,в число боевых шашек,как было принято считать,не входили - все офицеры и их конные вестовые.Но все они учавствовали в боях,в первых же линиях,что было естественно.

НОВЫЯ ВСТРЕЧИ,ПОЛКОВНИКИ ГАМАЛИЙ И ТАРАРЫКИН И ЕСАУЛЫ ЖУКОВ И ОЛЬШАНСКИЙ.

Это было в районе г.Купянска.Был поздний вечер и шла мятель.Дверь широко растворилась и в комнату вошла громадная фигура в широком длиннополом персидском тулупе с длинными рукавами,вся занесенная снегом.

"Здорово Федор... принимаешь гостей?"произносит она и,в ней,я узнаю полковника Василий Даниловича Гамалия.За ним входит сотник А.Хлус,его доверительное лицо.
"Заходи,Васылю!.. нам каждый гость дается Богом!"весело отвечаю ему.

Оказывается,Гамалий,из Екатеринодара,едет во 2-йКубанский корпус генерала Науменко,для вступления в командование 2-м Уманским полком.При нем взвод казаков от былого его 3-яго Уманскаго полка,под командой подхорунжаго Дубины,казака ст.Кущевской.Я рад гостю,собрал офицеров своего Сводно-Хоперскаго полка,что бы приветствовать гостя и услышать от него "события на Кубани",от которой мы так долго и далеко были оторваны и,не получая газет,ничего не знали.
Полковник Гамалий,безусловно,умный и большой Кубанский казак и красочный черноморец.Он говорит,что - "Укоротить Краевую Раду надо было,но только своими,Кубанскими руками,но не посторонними...Арест же некоторых членов Рады,высылка их за границу,повешение же члена Парижской делегации священника Кулабухова - это недопустимо и оскорбительно для Кубанскаго Войска,что может отразиться на настроении фронта".Все это было для нас большою и неприятною новостью.Знали ли об этом наши казаки - было неизвестно,но эти события в Екатеринодаре,в начале ноября 1919 года,совершенно не отразились на фронте нашей 1-й Кавказской казачьей дивиции.Казаки оставались послушными и шли за своими офицерами.

В район Купянска,и неожидано и приятно,пришло пополнение старшими офицерами во 2-й Хоперский полк - Полковник Иван Иосифович Тарарыкин, Есаул Жуков и Ротмистр Ольшанский.Тарарыкин по назначению из Войскового штаба,а Жуков и Ольшанский - старые Хоперцы,после выздоровления от тяжелых ранений.

Тарарыкин - сын Атамана станицы Келермесской Майкопскаго Отдела.Молодым казаком,по призыву,поступил в свой 1-й Линейный полк до войны 14-го года,прошел в нем курс учебной команды,потом поступил /переведен/ в Конвой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.В 1915 году окончил Петергофскую школу прапорщиков и, дальше,попал в Партизанский отряд Войскового Старшины Бичерахова в Персии.После революционнаго развала Русской армии,с Бичераховым отступил в Баку.И под Баку и под Петровском,в смешанном отряде генерала Бичерахова, он командовал основным Бичераховским отрядом,состоявшим из Кубанских и Терских казаков,против турок.За эти бои он был награжден офицерским Георгиевским крестом и Георгиевским оружием,имея чин Есаула.После аннекси Закавказья англичанами - весь Бичераховский отряд был расформирован. Тарарыкин,с сотней Кубанских конных казаков,из Батума,морем до Новороссийска,прибыл на Кубань летом 1919 года,где был встречен с почетом Войсковым Атаманом генералом Филимоновым и Правительством,и был произведен в полковники.

Этим летом же,в Екатеринодаре,я и познакомился с ним совершенно случайно.Он был станичником комендантскаго ад,ютанта Екатеринодара есаула П.В.Мальцева,нашего юнкера Оренбургскаго училища,моего друга.Мне понравился Тарарыкин своею воинскою вежливостью и отчетливостью.В коричневой "бикирке",при хорошем оружии,выше средняго роста стройный блондин.Думаю, ему было тогда чуть свыше 30-ти лет.Как познакомились в Екатеринодаре,в городском саду,совершенно случайно,так и разстались незаметно после одного совместнаго веселия.И вот теперь он,в том же своем элегантном костюме прибыл ко мне в подчинение и стал моим помощником по строевой части.Умно,корректно себя вел,как опытный военный и боевой офицер.Я был доволен им.К тому же,с ним никогда не было скучно.

Есаул Жуков - коренной хоперец.Выше средняго роста стройный брюнет. Серьезный,сдержаный.Интеллигентный.Я его,по событиям,не мог изучить как следует.

Ротмистр Ольшанский.Окончил эскадрон Николаевскаго кавалерийскаго училища в Петрограде в начале 1915 г.и корнетом выпел в какой-то гусарский полк.В гражданской войне скоро попал к Шкуро.Отличный офицер.Высокий, стройный в своей длинной кавалерийской шинели.И так как он всегда носил казачью папаху хорошаго каракуля - казаки называли его "господин Есаул". Он искренне полюбил казаков и был уважаем ими.Как боевой элемент - он стоил казаков выше своих бывших гусар.

Подпоручик Джагар заболел и выехал к себе в Ставрополем.Полковым адютантом я назначил хорунжаго Галкина.Жукова и Ольшанскаго - командирами сотен.От прибытия старших офицеров,2-й Хоперский полк,как-то,усилился и стал воински крепче.Сердце радовалось,и верилось,что наше отступление - в р е м е н н о е.

К этому времени мы узнали,что генерал Врангель был назначен Командующим Добровольческой армией,вместо генерала Май-Маевскаго.Мы "узнали",но приказы до нас недоходили.

Потом промелькнуло,что генерал Мамантов отрешен от командования своим знаменитым корпусом и вместо него,командовать ударной конной группой, назначен наш генерал Улагай.Последние два фактора не вмешались в наших головах и считались "неверными слухами".Но т.к.мы все время отступали,то этому и не придали значения.Потом все старшие казачьи генерала,как-бы, скрылись,и нам приказано войти в связь с генералом Фостиковым,который

командовал какими-то частями, действовавшими восточней нашей дивизии. Посланый мною для связи с ним от 1-го Хоперскаго полка хорунжий Мельников, прибыв доложил, что в штабе 2-й Кубанской дивизий генерала Фостикова полный порядок. Это нас порадовало. Но мы, все-же, отступали, как отступал и весь фронт...

ДРАМА НАШЕЙ ДИВИЗИИ.

В довольно спокойном состоянии, дивизия дошла до уровня села Попасная, которое должен занимать своим частями генерал Фостиков.

Числа 11 иль 12 декабря, дивизия лавами заняла позиции западнее какого то жел д узла, который не был видан за перекатом. Позади полков пролегал жел. дор. путь.

Шел мокрый снег. По бурьянам, по непаханному полю - печально стояли казаки в длинной одношереножной лаве, голодные мокли под незначительным обстрелом красных с севера, из таких же бурьянов. Сводно-Хоперский полк занимал правый фланг позиции, а Сводно-Партизанский полковника Соломахина - - левый фланг. Штаб дивизии находился чуть позади лав, на жел. дор. раз, езде, в районе Партизанскаго полка. При штабе была и наша артиллерия, 4 орудия Терской казачьей батареи есаула Соколова. Там же и пулеметы штаба дивизии есаула Синельникова.

Перестрелка затянулась. Уже вечерело. Я хорошо вижу, как к нам, в тыл, паралельно лавам, в направлении штаба дивизии, с узловой станции жел. дор. где должен находиться генерал Фостиков - из заворота и низины - движется бронепоезд.

Ну, слава Богу...это очень хорошо, что Фостиков шлет нам в помощь свой бронепоезд - думаю я.

Бронепоезд подходил очень тихо, и т.к. он подходил к правому флангу, но в тыл, моим Хоперцам - я спокойно и радостно наблюдал за ним. Бронепоезд остановился, и вдруг открыл по Хоперцам пулеметный огонь...А потом, шрапнелью хватил по штабу дивизии, расположенном м.б. в версте он него, в здании жел. дор. раз, езда. Одновременно, спереди нас, показались конныя лавы красных и бросились в атаку. Казаки, без команд, повернув лошадей кругом, бросились на юг, что бы как можно скорее пересечь полотно жел. дороги и скрыться от броневика. Я невольно вспомнил о своих пулеметах - как они смогут "взять" жел. дор. полотно с обоченными выемами земли и с насыпью полотна?

Самое опасное для конницы в бою - это упустить казаков от слов "команд", т.е. - "выпустить из рук".

Скачу впереди лавы своего Сводно-Хоперскаго полка и вытянув правую руку по-фронту - кричу-командую:- "НЕВЫСКАКИВАТЬ!....НЕВЫСКАКИВАТЬ ВПЕРЕДИ ОФИЦЕРОВ!"

Железно-дорожное полотно пересечено. Вся масса конных казаков свыше 600 человек /два полка, батарея, пулеметныя команды/, наметом и с разных сторон устремляется к дороге, ведущей в какую-то узкую низину, преследуемые шрапнеллным огнем красных. Широким наметом нас обгоняют трехпарныя упряжки Терской батареи. Бугорчатая местность. Казаков полощет дождь и шрапнель...На какой-то ухабине одно орудие перевернулось. Казаки быстро отцепили постромки, бросили орудие и понеслись дальше вниз. Другое орудие застряло в выбоине. Казаки бросили его. Нас обгоняет третье орудие. Оно, скользя по неровностям, безпомощно "танцует", готовое перевернуться при более крутом уклоне и, словно, наконец, "найдя его" - красиво скользнув направо - перевернулось на 180 градусов. Тяжелое тело /ствол/ вдавилось в раскисшуюся от дождя глинянную почву, а колеса, освободившись, по инерции весело продолжали вертеться вокруг своих осей. Все это было так неожиданно и быстро промелькнуло на моих глазах, и показалось - галлюцинацей... Но когда Терские казаки быстро соскочив с седел, отстегнув постомки и бегло поскакали вниз в свои "три уноса" - все это оказалось действительностью....

Я вижу свои пулеметы, скользящие по неровностям и грязи на своих линейках - но, кажется, полнаго числа их недостает...

В низине наш путь преграждает какая-то степная болотистая реченка, а за нею высокий крутой под,ем. Но - она не останавливает нас, т.к. красная конница, с матерною отвратительною руганью, следует за нами по пятам, а бронепоезд их шлет шрапнельный огонь.

Мы карабкаемся по скользкому бугру вверх и занимаем его. Там находим наш штаб дивизии. Красные остановились внизу, за речкой. Мы в безопасности.

Полки приведены в порядок. Но все мы мокрые от дождя до последней нитки своих сдежд, грязные, на захлюстанных лошадях. Все это произошло так неожиданно. Мы еще не знали своих потерь, но - среди полков, печально и стыдливо стоят все четыре артиллерийских уноса Терской батареи есаула Соколова и. .... без орудий. 12 пар мокрых артиллерийских лошадей, в упряжной сбруе, так захлюстаны грязью, как и ездовые казаки, что сомнений в нашем несчастьи - не может быть. А их командир батареи, гордый есаул Соколов был похож на "наседку", у которой хищный коршун только что похитил ея всех детенышей-циплят. Он был спешенный и кого-то громко ругал.

Тут-же я увидел начальника дивизийной пулеметной команды есаула Синельникова. Лицо его выражало растерянность, т.к. он потерял все свои пулеметы. Храбрый офицер из подхорунжих, Георгиевский кавалер всех 4-х степеней, авторитетный среди своих подчиненных - он имел большой недостаток - пристрастие к вину. И Георгиевский золотой крест 1-й степени, покороблены пулею красных, попавшей ему в грудь - иногда спасал его/за его невоздержанность в поведении/, в устранении от командования. Сейчас он был совершенно трезв, сидя в седле.

Лицо генерала Шифнер-Маркевича выражало удивление, которое, как-бы, говорило-спрашивало:- "Как это могло случиться?" Он был спешеный и делал быстрые распоряжения, на случай появления красных.

Полковник Соломахин, сидя в седле перед своим полком, был спокоен и, взглянув на меня - чуть улыбнулся; я понял это за вопрос - "Как это случилось?" и ответил ему издали жестом руки - "не знаю".

Потери в казаках были незначительны. Потеряны многие пулеметы с упряжками. 2-й Хоперский полк потерял 4 пулемета, т.е. половину имевшихся.

Убит был пулею, наповал, командир 1-го Партизанскаго полка храбрый капитан Химченко. Его полк, за малочисленностью состава, входив первым дивизионом в Сводно-Партизанский полк полковника Соломахина. Он был из иногородних Кубани, один из первых соратников Шкуро, серьезный, стойкий в боях офицер. Я его всегда видел в тужурке и в казачьей папахе хорошаго курпея, которую он умело носил, чисто по-казачьи. Казаки ценили его.

Красные остановились. Подсчтав свои потери - дивизия спустилась вниз, прошла две версты и остановилась в небольшом селе. Так всем хотелось отдыха, а главное - высушить одежду. Но здесь было получено запоздалое уведомление от генерала Фостикова, что он отошел на жел.дор. станцию Алмазная. Наша дивизия оставалась далеко на север от своих войск, почему Шифнер-Маркевичч решил отойти к общей линии фронта, в село Липовое. До него было 18 верст. Уже вечерело. Казаки голодны, мокры, Кони так же. Тронулись. Шли медленно, шагом. Наш отход казался нескончаемым. В полной темноте вошли в село. Штабу полка был отведен хозяйственый дом небогатаго крестьянина. Мы были уж на Украине.

Наши полковня три сестры милосердия, уставшия и промокшия, войдя в хату, немедленно же бросились к горячей русской печке что бы отогреться и обсушиться. Подаю им я и свою мокрую черкеску, что бы подсушить ее - как хозя-

юшка,сгорбленная от работы женщина лет 50-ти,очень ласково и участливо говорит нашим сестрам и мне:

"Лізтэ на пічь... там будэ добре... учора одын охвыцер грівся там зо щдною мылостывою сэстрою.Лізтэ і Вы,паночкы".

Нам от этого предложения всем становится весело.Весело и от того,что вместо слов "сестра милосердия",она говорит "мылостыва"; и что офицер "грівся" с нею на печи.

Но милая наша хозяюшка совсем непонимает - почему мы смущены и смеемся? И она наставительно продолжает уговаривать,словами: - "лізтэ всі. ...міста там богато".

Отогрелись,обсушились,накормились и переночевали.На утро новсе отступление.После горячаго и вкуснаго завтрака в гостеприимном крестьянском доме мы расплатились и стали прощаться,сказав,что мы отходим дальше на юг;- у хозяюшке,от удивления,перекосилось лицо.С выпученными этстаха глазами,она спрашивает меня:

"Та хіба-ж Вы зовсім бросаетэ нас?"

И когда я ответил ей утвердительно - она в ужасе подняла руки вверх и голосом полнаго ужаса воскликнула:

"Царь Мыкола!.. та дэ-ж Ты йе?".... и заголосила.

НЕОПИСАННАЯ ТРАГЕДИЯ...

Сводно-Хоперский полк был послан в Дебальцево.Его путь идет на запад На узловой станции видим большое скопление железно-дорожных поездов с разным имуществом "цветных дивизий" 1-го Армейскаго пехотнаго корпуса генерала К,тепова.Тут же множество саней,двуколок и разных подвод.Среди всего этого скопления перевозочных средств - много солдат,десятки сестер милосердия в очень беленьких косынках.Что нас удивило,что среди всей этой массы людей,было десятков 8 молодых офицеров,в чистых шинелях защитнаго цвета и в ярко-малиновых фуражках.По цвету фуражек,мы заключили что все эти составы принадлежат Дроздовской дивизии.Они не двигались,а стояли,видимо ожидая какого то распоряжения.

Красная конница все время нас "обходила",т.е.старалась отрезать нам пути отступления.И я невольно подумал - ведь она,конница Буденнаго,может наскочить на эту безоружную толпу людей в таких ярких военных отличиях, как белыя косынки сестрер милосердия и ярко-малиновыя фуражки Дроздовцев и тогда - что будет?!....

Были ли это больные офицеры,или шло пополнение в полки - незнаю,но все офицеры были очень молоды летами и одеты чисто по-тыловому - нарядно - в новых шинелях,фуражках и в невыцветших малиновых погонах.

Прошел час-другой после этого,как в полк пришло сообщение,что конница красных налетела на них и все полонило....

— ° —

По пути к Дебальцово,на какой-то жел.дор.станции,встретил штаб генерала Тимановскаго.Богатырскаго сложения высокий блондин.При нем несколько офицеров.Настроение их бодрое.Мне это приятно было слышать.Приятно было и видеть,как этот крупнаго роста генерал,достаточно молодой,дружески обращается со своими подчиненными офицерами и,после короткой закуски, опираясь на свой "посох-полено" - пешком выступил куда-то на юг.

Кто учавствовал при отступлении в боях,тот хорошо знает психологию, что - гораздо безопаснее быть на фронте в строю,чем в обозе.И,при многих фронтовых неприятностях - в полках нашей 1-й Кавказской казачьей дивизии,моральное состояние казаков было достаточно стойким.

ПОД ДЕБАЛЬЦЕВО.

Генерал Шифнер-Маркевич куда-то временно отлучился.За него остался нач.штаба дивизии полковник ген.штаба Соколовский.Жидкими лавами он держит дивизию на позиции севернее жел.дор.полотна Луганск-Дебальцево,верстах в пяти восточнее последняго.

Наступили вновь холода.Было эч. снежно.Стояли настоящие декабрьские морозы.Дивизия уж пол-дня мерзнет в снегу,в редких своих лавах.Уже вечерело.Мелкая снежная завируха,называемая "крупою",назойливо била казакам в лицо.Противника мы не видели,ощущая лишь полет его пуль над головами.Почему мы стоим? - нам не было известно.В жидких лавах,мрачно сидел на коне и наш начдив полковник Соколовский,закутанный по-глаза башлыком.

"Почему мы стоим?...Чего мы ждем?" - под,ехав к нему,спросили мы с Соломахиным - командиры полков.

"Приказано"... единственным словом удостоил нас ответом наш мрачный временный начальник.И мы,не смея нарушать "боевого приказа" - от,ехали к своим частям.

И вот,в этот печальный скучный нудный морозный день со снежною завирухою "крупа",клонящийся к вечеру,когда,казалось,наша дивизия не более 500 коней,забытая всеми - на крупной рыси подошел вновь тот же хорунжий Мельников от моего Сводно-Хоперскаго полка,державший живую связь с генералом Фостиковым.Со станции Чернухина он передал словесный приказ Фостикова: - "Дивизии немедленно отходить через Дебальцево,на Ольховатку.Дебальцево защищаться не будет.Его надо пройти как можно скорее,что бы избегнуть могущаго обстрела со стороны рабочих".

Мне и Соломахину,хорунжий Мельников восторженно отзывается о Фостикове,как об очень распорядительном и энергичном молодом генерале.

"Сам,лично,везде?...сам распоряжается? И все быстро,энергично? У него полный порядок!"поясняет он.

Полковник Соломахин доволен этим отзывом о своем друге,генерале Фостикове и говорит мне:

"Наконец-то Мише пришлось водить дивизии на местности... а то,мы с ним,в Петрограде,в Академии генеральнаго штаба - водили,даже,корпуса.... но только по картам".

— ° —

Дебальцево злосвеще светило многочисленными огнями своих многочисленных жел.дорожных построек.Мы в него не зашли,и пересекли многочисленные пути,раскинутые как паутина,восточнее города.Два или три наших бронепоезда Д.Армии,как загнанные звери,фланировали на этих путях,охраняя порядок.

Я смотрел на их грозный вид в ночи,пыхающий паром и лязгом колес,с суровым дыханием их паровозов и думал: - как они не заблудятся в этой паутине рельс?И от их грознаго вида - на сердце стало приятно.Мы еще сильны!думалось тогда.

Поздно ночью дивизия прибыла в Ольховатку.Это было 16 декабря.На этом пути мы вновь столкнулись со многими пехотными частями,отступавшими,как и мы,на юг.Безчисленные обозы двигались безостановочно.Под Ольховаткой встретили нашу 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду генерала Геймана На утро сл.дня,она сбросила густою массою своих казаков где-то вдали.Проезжая - вижу пост казаков,состоявший из так хорошо знакомых мне людей по 1-му Кавказскому полку.Они казаки станицы Новолокинской.Все крупные,сильные.Все сверстники мне годами,прихода в полк в январе 1914г.Такая приятная встреча "в чужом краю"...Среди них,старшим,казак Пухин.Все они были

в 6-й сотне есаула Н.А.Флейшера 1914-16гг.По том сотней командовал есаул И.Т.Бабаев,после,наш сверстник под,есаул А.С.Некрасов.С этими казаками пробыл в родном полку всю Великую войну,В Турции тогда - много невзгод было испытано?Теперь уж конец гражданской войны и я вижу их все теми же "рядовыми казаками"....т.е.никто из них не имеет "чина",даже,приказнаго /ефрейтора/.Это за две то войны.Такая скромность казаков,как и ... какое невнимание начальников?!

Я им об этом ничего не сказал,а только спросил: - "Не страшно быть в пластунах?"

Мне всегда казалось,что в пешем строе вести бой опасно.Как бы - безпомощно.То-ли дело конная атака.Иль конные маневры - обход-ли противника, иль,даже,отход,отступление.Все можно и нужно делать быстро,сноровисто. А в пешем строе - одна медлительность,пассивность и,даже,опасность при отступлении.Так думал всегда конник.

"Никак нет,господин полковник!" вдруг дружескиц с улыбкой отвечают они,мои родные Кавказцы-сверстники.

"И не страшно и спокойней,даже... и меньше забот без коня"- добавляют они,рядовые казаки,участники двух долгих войн и... ничем не награжденные.

НЕОЖИДАННЫЙ И СТРАННЫЙ ФИНАЛ....

Дивизия отошла на станцию Иловайская.Вернулся генерал Шифнер-Маркевич. Здесь им получен следующий приказ от генерала Улагая:

"Всю 1-ю Кавказскую казачью дивизию свести в один полк и оставить на фронте под командой одного из командиров полков.От всех четырех полков выделить кадры и с ними двигаться на станцию Матвеев Курган,в мое распоряжение,для формирования Кубанской Армии".

Это распоряжение для нас было полной неожиданностью.Кроме того,нам казалось,что к нам должны влиться формированные на Кубани казаки,но не мы, оставив фронт,идти в тыл,на странное,и так запоздалое,формирование Кубанской армии.

Мне лично тогда показалось,что это уже не осуществимо.Но высказывать свои мысли никто не стал,когда нас,Соломахина и меня,единственных командиров полков,оставшихся в живых,вызвал к себе генерал Шифнер-Маркевич и прочитал этот странный,на мой взгляд,приказ генерала Улагая.Молчал и Соломахин,как и Шифнер.

"Кто из Вас,господа,хочет остаться на фронте?"- нарушив молчание,спросил генерал.

"Как младший в чине,как молодой Шкуринец - на фронте должен остаться я",отвечаю генералу.

"Нет не так!...как младший в чине и как молодой Шкуринец - полковник Елисеев должен вести кадры дивизии,а я,как старший в чине и как старый Шкуринец - я,полковник Соломахин,должен остаться на фронте" - ответил мой старый друг.

Генерал Шифнер-Маркевич,умный и деликатный начальник,благородный и всё ясно понимающий - он выслушал нас стоя,глядя на телеграмму Улагая,лежавшую перед ним на столике.И потом,подняв глаза на нас,ясно произнес.

"Миша,ты прав.Как старший в чине - ты должен остаться на фронте,а полковник Елисеев,поведет кадры дивизии!" Мы оба взяли руки под-козырек,поняв это как точное его приказание.

В телеграмме генерала Улагая сказано было -"Выделить 150 казаков на лучших лошадях и оставить их на фронте",что и было выполнено.Получидась сильная сотня.От своего 2-го Хоперскаго полка я назначил в нее младшим офицером есаула Жукова,недавно вернувшагося в полк.Оставил и все полковые наличные пулеметы,числом четыре,под командой сотника Дубкова.

Впротивовесь тому,что написано потом за границей генералом Врангелем по донесениям старших его генералов-конников,что "конский состав в частях совершенно пришел в упадок" и другия невзгоды - в нашей дивизии этого не было.Конский состав дивизии,конечно,не был блестящий,но он оставался до конца хорош.Мы отступали уже по Украине и фуража было вполне достаточно.Вот почему "выделенная сотня казаков" от 1-й Кавказской дивизии была сильна.

Что было занимательно,так это то; - казаки п о о д у м и с оставались на фронте,а нам,уход в тыл - казался и странным и не своевременным.Мы, еще,наивно верили,что это есть наш временный не успех...

Умный,скромный и молодецкий полковник Соломахин,не желая самообольщаться - назвал выделенных казаков с пулеметами "не полком",а "Отдельной сотней" и себя - только командиром сотни.

Генерал Шифнер-Маркевич отдал по дивизии соответствующий приказ,что: "Полковнику Соломахину оставаться на фронте с Отдельной сотней,войдя в подчинение генералу Фостикову,а полковник Елисеев назначается начальником кадров 1-й Кавказской казачьей дивизии,которому следовать на станцию Матвеев Курган,в распоряжение генерала Улагая".

В тот же день,он,со своим нач.штаба дивизии полковником Соколовским, выехали поездом в Екатеринодар.

"Передайте Войсковому Атаману и всему Кубанскому Войску,что,если мы не вернемся назад,то это значить,что все мы погибли за славу и честь Кубани....А если судьбе будет угодно сохранить нашу жизнь - то сотня отойдет в Крым".Так сказал нам перед отъездом,уходящим в тыл,растроганный и откровенный,как и доблестный в боях,полковник Соломахин.

Распрощавшись с остающимися - во главе группы казаков человек в 250, двинулся к Матвееву Кургану.С нами шел и начальник всей артиллерии корпуса генерала Шкуро,полковник Сейделер,личный друг и старый соратник и Шкуро и Шифнер-Маркевича.Он уроженец Тифлиса из военной среды.Всегда в черкеске и милейший человек в жизни.

На Матвеев Курган прибыли с вечерними сумерками.Здесь происходила полная неразбериха.Всюду стояли интендантские поезда и др.составы.Много было воинских обозов.При нас,и воинскими чинами и жителями - расхищались казенные склады.Жители тащили,главным образом,сахарный песок в мешках.Никто им уж не препятствовал.Анархия была на полном ходу.Здесь мы не застали генерала Улагая.Через коменданта станции,от него получено распоряжение двигаться на Ростов.

МЫ ИДЕМ НА КУБАНЬ....

Переночевав - остатки дивизии двинулись на Ростов.Странно было то,что ни у кого не было радости,что мы идем в тыл.Что то подсказывало в существе каждаго из нас о ненормальности положения и распоряжения высшаго командования.Но мы идем туда,куда нам приказано.

Здесь стоял уже глубокий снег.Дорога,от прохода многих обозов,была растолчена.Двигаться верхами было тяжело.Приспособив в упряж для санок некоторых лошадей,привязав в седлах остальных - рысью, на полозьях,дви-

нулись к Ростову,до котораго,по птичьему полету,было 60 верст.
Мы едем,словно,по снежной сахаре.Если дорога была заполнена всевозможными обозами,то от дороги,сколько хватал глаз - было сплошное снеговое чистое поле.
Мы оторвались от боевой действительности и двигаемся по абсолютно мирному пространству.

Следующий ночлег был в г.Эривани/армянском/.Что бы войти в Ростов настоящей воинской частью - все сели вновь в седла.
Проехав несколько верст,как нагнали,какую-то,довольно компактную колону саней и подвод,числом 20-25,впереди которой идет до одной сотни конных казаков.Впереди нея кавалерийский Штандарт в кожаном чехле.

"Какого полка?"спрашиваю последние сани.
"2-го Хоперскаго"... отвечает казак.

Вдруг колона вся останавливается и ко мне спешно подходит пожилой полковник лет 50-ти,в шубе-черкеске и в погонах,взяв под-козырек,рапортует:

"Господин полковник...Полковник Якушев,с обозом 2-го разряда вверенаго Вам полка,представляюсь!"

Иронию с этим нашим полковым обозом трудно было и представить!Надо было нам безпрерывно отступать от Воронежа,что бы ровно через два с половиной месяца,22-го декабря,и уж под Ростовом,нагнать его и,воочию,убедиться,что "он существует в действительности"....Но от котораго полк на фронте,абсолютно никакой продуктовой и фуражной помощи не получал.
С ним,с обозом 2-го разряда - и полковой Георгиевский Штандарт,который я вижу,так-же,впервые.

"СТОЙ!..СТОЙ!" - командую я всей этой растянувшейся колоне конных казаков,саней и подвод,словно уставший заблудившийся странник в пути,найдя наконец что-то радостное,давно искомое,ключь своего путешествия,цель его.
Полковник Якушев старается активно распоряжаться для встречи своего командира полка,но я его останавливаю и хочу посмотреть "его отряд" в том виде,к котором застал.
У него полный порядок.И люди и лошади - совершенно не заморены.Полковой Штандарт с положеным взводом казаков в надлежащем походном порядке Этот взвод,конечно,был все время при обозе.Лошади у них,просто,жирные. У казаков свежие лица.Все отлично,по зимнему,одеты.В полном положенном вооружении.Но я заметил смущение на их лицах.Полк ведь сражался,совершил тяжелый путь отступления с боями,а они,Штандартный взвод - жил,отдыхал,и не плохо кормился в тылу.

"Как-же Вы шли от Воронежа?..Чем ориентировались?..И знали-ли,что фронт наш отходит?"спрашиваю я ласково полковника Якушева,летами годнаго мне в отцы.
"Да так... слухами и чутьем. Так и шли постепенно на юг.А вчера узнали,что и Вы нас нагоняете...ну и обрадовались",как то смущенно докладывает он.
Распрашивать долго не приходилось.Я немедленно же сгруппировал вокруг полкового Штандарта абсолютно всех конных казаков,находившихся и при обозе,распределил офицеров.Получилась конная группа человек в 300.По тем временам,это был уж настоящий боевой полк.

— • —

На душе у меня было очень тепло,когда я сгруппировал казаков вокруг

полкового Штандарта. Здесь, в буквальном смысле слова - со мною был весь наш 2-й Хоперский полк, - со своим Штандартом, с обоими моими помощниками-полковниками Тарарыкиным и Якушевым, все командиры сотен и отличный полковой ад,ютант хорунжий Шура Галкин. И при нас - 300 конных казаков. Это, ведь, тогда - с и л а была!

Я тогда совершенно не думал, что мы отойдем на формирование "Кубанской армии" в свой Баталпашинский Отдел! Всем нам думалось, что где-то возле Ростова, дивизия будет остановлена и возродится в своей боевой силе.

Всем нам думалось, что мы никогда не оставим Новочеркаск и Ростов. И здесь дадим достойный отпор красным.

Ведь говорилось и писалось в газетах, что - под Ростовом укреплены неприступныя позиции и будет дан решительный бой. Вот почему, приближаясь к городу, мы, Тарарыкин и Галкин, идучи в седлах рядом, внимательно вглядывались во все стороны, ища "эти неприступныя позиции".

"Да где-же они, господин полковник?", как бы с упреком громко спрашивает меня умный, но порою резкий, полковой ад,ютант хорунжий Галкин.

"Подождите Шура... возможно под самым городом", отвечаю ему, удивляясь в душе сам, что не вижу ожидаемых укреплений.

Вот уже, кажется, и "сам Ростов"... Хорошо укатанное шоссе, явно указывает "на начало города". Но и здесь никаких - ни войск, ни позиций....

Конная группа казаков в 300 человек, с несколькими дюжинами саней и подвод, полным строевым порядком идет по этому укатанному шоссе. Идет, идет и.... уж входит в город. И нигде не видит ни одного окопа, укрепленнаго пункта, иль проволочных заграждений.... Огорченные, обманутые - все мы трое крупно выругались. Мы были, просто, оскорблены в своей верности боевому фронту.

Генерал Врангель, в своем капитальном труде, "Белое Дело", том 5-й, в главе 5-й, под заглавием "Развал", в примечании на стр. 274-й, пишет: -

"Укрепленная позиция эта существовала лишь на бумаге; значение ея было чисто "психологическое", как выразился Главнокомандующий генерал Деникин".

— ° —

На ночлег остатки дивизии расположились в городе. От коменданта города получили новое распоряжение генерала Улагая - двигаться в станицу Кущевскую, где ждать новое распоряжени.

Для познания психологическаго состояния Ростова - с Тарарыкиным и Галкиным прошли на Садовую улицу, как на главную магистраль города. Кругом пустынно от жителей и лишь без конца движутся по ней разные обозы. Тоска и грусть кругом...

"Господа офицеры!... хотите с барышнями переночевать?... очень миленькия они!" - говорит какая-то старушка, неожиданно появившаяся из-за угла.

У меня мысли были так далеки "от разных, даже, миленьких барышень", что я, вначале, не все понял.

"Да Вы не бойтесь!... я Вас сама к ним проведу!.. я от них послана!" - ласково заглядывая нам в глаза при свете углового фонаря на улице, говорит она.

"От кого от них?" переспрашиваю, еще не все понимая.

"Да от барышень, господин офицер!.. ведь и им тоже надо зарабатывать!... вот я и выхожу на улицу"... спокойно и деловито продолжает эта суженькая маленькая старушка.

Мне стало жаль эту старушку,как и "ея девочек".Тыл,отвратительный тыл - дохнул на меня всем своим страшным гнилым дыханием.Мы думаем "об укрепленной позиции под Ростовом",и"о завтрашнем дне",а обывательница тянет тебя "к барышням",которыя - "вон как хотят зарабатывать деньги на хлеб насущный"?!...

"Иди бабушка домой... нам некогда",грубо отвечаю ей.

В БАТАЙСКЕ. . .

На утро 22-го иль 23-го декабря - кадры дивизии проходили через Тихий Православный ДОН-ИВАНОВИЧ,и окунулись в буквальную клоаку.Масса подвод, саней,экипажей,отдельных воинских чинов и групп пеших и конных - шли-тянулись через мост.К югу от него - чернела пирочайшая буро-серая низина леваго берега Дона,по которой,по всем ея дорогам - тянулись безконечныя вереницы живых существ,а кого и сколько? - трудно было определить.

На левой стороне Дона снега было очень мало.Дорога разбита и вязка. Колоны подвод и саней застопориваются.Слышны везде крик и ругань.Много беженцев.Куда они бегут? и на какой промежуток времени? - думал я.

Свернув с дороги,еще не по растолоченному полю - наша колона шла на юг, в Батайск.

Странно показалось,что навстречу нам,шли Кубанския конныя части.Я явно вижу 1-й Екатеринодарский полк.То были,как оказалось,части нашей 1-й Конной дивизии - резерв Главнокомандующаго.И мне показалось совершенно ненужным и излишним их движение "на фронт",т.к.чувствовалось,что никакого отпора красным дать уже невозможно.

Мы в Батайске.На вокзале я вижу Терских пластунов.Это Терская пластунская бригада,идущая,так-же,на фронт.Казаки быстро высыпали из вагонов и, безпричинно,праздно шатаясь,заполнили весь перон вокзала.

Нелюблю я воинских чинов,праздно болтающихся массою в общественных местах.В массе они бывают распущены,непочтительны и готовы к разному озорству.Так оно и оказалось.

Какой-то сотне не понравился обед.Казаки окружили Войскового Старшину Цугулиева и резко выражали ему свое неудовольствие.

"А еще на фронт нас ведете?..а чем кормите?" -зло говорит кто-то из задних рядов заведывающему хозяйством Цугулиеву.Я стою рядом с ним и у меня по спине поползли муравьи.На фронте,на боевом фронте,таких выступлений быть не может.

Цугулиев не растерялся,доказывает им что-то и приказывает разойтись. Но это их только обозляет;они неудержимо смеются над гордым,и вижу, разумном офицере-горце. Развал... полный развал армии - думаю я.

"26 декабря,конница Буденнаго,почти уничтожила Терскую пластунскую бригаду,поставленную в центре Добровольцев и опрокинула конницу Топоркова" - пишет генерал Деникин о своем резерве на стр.266.Так погибла эта Терская пластунская бригада.

На 2-й день,направляясь в Кущевку,на станции Батайск вижу поезд Командующаго Донской армией.Спешив свои кадры дивизии - прошел к поезду, что бы узнать "положение на фронте".

Все вагоны поезда окрашены в мягкий защитный цвет,с эмблемами цветов флага Донского Войска сине-желто-красный,приятно ласкающий глаз.

"Вам что надо полковник?"встречает меня удивленно молодой стройный Войсковой Старшина в гимнастерке и шароварах с лампасами.

"Я хочу знать - где проходит фронт?" отвечаю ему.

"А Вы кто таков?...и почему Вас интересует линия фронта?"спрашивает он,печальными глазами,пытливо и подозрительно,осматривая меня с ног до головы.

Я назвал себя. Ему от этого стало еще печальнее; именно - печальнее. И он, с упреком сказал, что - "Вот, Кубанцы бросили фронт...его держит только Донская армия... а Вы, вместо того, что-бы помочь ей - зашли только спросить - "где тянется фронт"?

Мне безконечно было жаль этого воспитаннаго и, вижу, благороднаго Донского офицера, но я же не мог ему разсказать весь путь нашего отступления от Воронежа! и почему я сейчас, именно, здесь? В кратце, все-же, сказал - откуда мы идем.

Он посмотрел на мою черкеску в серебряных погонах и при добротном Кавказском оружии в отделке серебром - недоверчиво произнес:

"Вид у Вас хороший... но я боюсь Вам верить"...

От этих слов, мне еще больше стало жаль его, видимо, большого Донского казака-патриота. И не стал ему говорить, что обе войны, проведены мною в таком Кавказском мундире и оружии.

Мы холодно распрощались. Думаю, это был Войсковой Старшина Добрынин, начальник оперативнаго отдела Донской армии, за границей выпустивший очень содержательную книгу с напряжении Донского Войска в гражданской войне. Он давно умер.

И вышел я из штаба Донской армии разстроенным и оскорбленным и за родное Войско и за себя лично, что мы, Кубанские полки, яко-бы, "бросили фронт".

В том печальном состоянии, в котором находился этот очень приятный и воспитанный молодой штаб-офицер - он был вправе высказывать все свои обидныя предположения о Кубанских полках, не зная сущности. И это нисколько не относилось к нашей дивизии и ко мне лично. Место и горькое время - не давали мне возможности подробно осветить ему - откуда мы появились здесь?

— • —

Совершенно незаслуженный упрек Кубанским казакам пишет и сам генерал Деникин, в своем труде "Очерки Русской Смуты", том 5, стр. 262. Вот его строки:

"Дезертирство Кубанцев приняло массовый характер. Вместо того, что бы попытаться собрать части где-нибудь в армейском тылу - генерал Врангель отдал самовольно приказ об отходе "кадров" Кубанских дивизий на Кубань для формирования; и эта мера вызвала новыя тяжелыя осложнения. Уклонявшиеся от боя казаки и дезертиры, которых ранше, все-таки, смущала совесть и некоторый страх - перешли на легальное положение. Их оказалось много, очень много: - за Дон, домой потекли довольно внушительнаго состава полки, на хороших конях, вызывая недоумение и озлобление в донцах, в подходящих подкреплениях и соблазн в Кубанских дивизиях, еще оставшихся на фронте. Дома они окончательно разложились".

Не входя в общую оценку этих строк, предполагаю, что генерал Деникин видел, именно, кадры нашей 1-й Кавказской дивизии по оставлению Ростова, т.к. - в Батайске к нам присоединились и еще несколько десятков казаков дивизии, отошедших сюда, как отходили все. И эта конная масса до 400 конных казаков, со Штандартом 2-го Хоперскаго полка во главе, действительно, на достаточно хороших лошадях - всякому казалась "сильным полком". Но никто из посторонних глаз не знал, что это есть только остатки былой храброй и безумно лихой дивизии полковника Андрей Григорьевича Шкуро, его первое героическое детище с лета 1918 года, вихрем побед пронесшееся по всей Украине далеко на запад за Днепр, потом переброшенная на главный фронт Московский и с налета захватившая Воронежь! Кому все это надо было разсказать? И разсказать, что после всего этого - дивизия была истощена и, только, по приказу Командующаго Добровольческой армии генерала Врангеля - идет на Кубань для формирования Кубанской армии.

Несправедливость этих строк - печалит душу до сих пор.

ЧТО-ЖЕ ПРОИСХОДИЛО В ТЫЛУ АРМИИ?

Прерывая на время свой отход - на упреки генерала Деникина "в дезертирстве"Кубанских казаков,значить и офицеров,которых в полках,на фронте, было так-же очень мало - повторю его описание "о тыле Армии".

"Развал так называемаго "тыла" - понятие,обнимающее в сущности народ, общество,все не воюющее население - становился поистине грозным.

Чувство долга в отношении отправления государственных повинностей проявлялось очень слабо.В частности,дезертирство приняло широкое,повальное распространение.Если много было зеленых в плавнях Кубани,в лесах Черноморья,то не меньше "зеленых" - в пижаках и френчах - наполняло улицы, собрания,кабаки городов и,даже,правительственныя учреждения.Изворотливость безпринципность,легкое покровительственное отношение общественности к уклоняющимся,кумовство - служили им надежным щитом.Спекуляция достигла размеров необычайных,захватывая в свой порочный круг людей самых разнообразных кругов,партий и профессий: - кооператора,социал-демократа,офицера,даму общества,художника и лидера политической организации.Казнокрадство,хищения,взяточничество - стали явлением обычным; целыя корпорации страдали этим недугом.

Традиция беззакония пронизывала народную жизнь,вызывая появление множества авантюристов,самозванцев - крупных и мелких.В городах шел разврат разгул,пьянство и кутежи,в которые,очертя голову,бросалось и офицерство, приезжающее с фронта.

Шел пир во время чумы,возбуждая злобу или отвращение в сторонних зрителях,придавленых нуждой"./стр.273,274,275,том 5-й/

После такой аттестации "тыла Армии" самим Главнокомандующим - упрек им в дезертирстве Кубанских казаков,своими конными корпусами входивших с жестокими боями,даже,в Саратовскую губернию,взявшими Воронежь - есть не основательный,как и оскорбительный.В разгулах,в казнокрадстве,в спекуляции - фронтовое Кубанское казачество,до своих Кубанских генералом,безусловно - не учавствовало.

ЧТО ПРОИСХОДИЛО ТОГДА В БЕЛОМ СТАНЕ?

Буду цитировать по капитальным трудам генералов Деникина и Врангеля. Генерал Май-Маевский был отстранен от командования Добровольческой армией.Вместо него назначен генерал Врангел,отдавшаго свой приказ о вступлении в новую должность 27 ноября 1919г.в городе Змиев/стр.249/.В руках белых еще находились Киев,Харьков,Царицын.

Генерал Деникин пишет,что: - "Перед отъездом в армию,в Таганроге,генерал Врангель заявил мне,что он не потерпит присутствия в ней генералов Шкуро и Мамантова,как главных виновников разстройства конных корпусов".

"По прибытию в армию,ген.Врангель назначил начальником конной группы /4-й Донской конный корпус,2-й Кубанский конный корпус,1-я Кавказская казачья дивизия и др.части,Ф.Е/ достойнейшаго и доблестнаго Кубанскаго генерала Улагая.

Мамантов обиделся и телеграфировал по всем инстанциям: - "Учитывая боевой состав конной группы,я нахожу несоответствующим достоинству Донской армии,и обидным для себя,заменение командующаго конной группой,без видимых причин,лицом,не принадлежащим к составу Донской армии и младшим меня по службе.На основании изложеннаго,считаю далее невозможным-на должности командира 4-го Донского корпуса". -оставаться-

Далее генерал Деникин пишет: - "Копию этой телеграммы Мамантов разослал всем свом полкам,а на другой день,самовольно покидая корпус,не без зорадства сообщал,как полки,под давление противника,панически бежали".

"Этот неслыханный поступок",продолжает генерал Деникин,"не встетил, однако,осуждения на Дону.Я отдал приказ об отрешении Мамантова от командования и встретил неожиданную оппозицию со сторрны Донского Атамана/генерала Богаевскаго,Ф.Е/ и генерала Сидорина/командующаго Донской армией Ф.Е/. Они указывали,что помимо крайне неблагоприятнаго впечатления,произведеннаго удалением Мамантова на Донскую армию - 4-й корпус весь разбегается и собрать его может только один Мамантов.

Действительно - когда корпус был передан обратно в Донскую армию - Мамантов вступил вновь в командование им,собрал значительное число сабель и впоследствии,за Доном,корпус этот нанес несколько сильных ударов конннице Буденнаго"/стр.261/.

На следующей стр.262,Деникин помещает донесение генерала Улагая от 11-го декабря,но только выдержки из него: "....Донския части,хотя и большого состава,но совсем не желают и не могут выдержать самаго легкаго нажима противника... Кубанских и Терских частей совершенно нет...Артиллерии почти нет,пулеметов тоже"."Потеряны были в боях",добавляет в примечании генерал Деникин,там-же.

— ° —

Получив назначение - генерал Врангель внехал на фронт.И вот что он пишет в своем наблюдении в дороге,в рапорте генералу Деникину 9 декабря:

"От самой границы Донской области,к северу,жел.дор.станции и раз,езды были забиты поездами.Всюду сказывалась поспешная,безпорядочная эвакуация. Многочисленные поездные составы были заполнены войсковыми и частными грузами,беженцами,вперемежку со стремившимися в тыл,под разными предлогами, воинскими чинами.Среди них большинство было здоровых.

Огромное число составов заняты войсковым имуществом отдельных частей. На одной из станций я встретил поезд: большое число пульмановских классных и товарных вагонов охранялись часовыми Корниловскаго ударнаго полка.Из окон своего вагона я мог наблюдать,как в большом салон-вагоне перваго класса,уставленном мягкой мебелью и с пианино у одной из стен - оживленно беседовали несколько офицеров-корниловцев.Я послал своего адютанта выяснить - что это за состав? И с удивлением узнал,что это поезд Корниловскаго ударнаго полка.Такие поезда оказались у большинства воинских частей.

Огромное число воинских чинов находилось в тылу в длительных командировках "по реализации военной добычи".Некоторыя части занимали под полковые запасы до двухсот вагонов"/стр.248,том 5/.

На стр.260 - генерал Врангель пишет о боевом составе Добровольческой армии,в которую временно вошли 4-й Донской генерала Мамантова и 2-й Кубанский корпус генерала Науменко.Наша 1-я Кавказская казачья дивизия, состоявшая из 4-х полков Кубанских казаков - все время входила в состав Добр.Армии.

"В боевом составе армии,ко дню моего приезда,числилось: - в 1-м корпусе /генерала Кутепова,Ф.Е./ - около 2.600 штыков; в 5-м Кавалерийском корпусе /вр.командир ген.Чекотовский,Ф.Е.стр.254,Ф.Е./ - около 1.015 сабель; в Полтавской группе около 100 штыков и 200 сабель; в конной группе /т.е.у Мамантова,Науменко и Шифнер-Маркевича,Ф.Е./ - около 3.500 сабель.

Некоторыя части были сведены: - Кубанский корпус в бригаду,Корниловские полки в батальоны,два Марковских полка и Особая бригада сохранили лишь кадры и были отправлены в глубокий тыл.Дроздовская дивизия сведена в три роты.Войска отказывались от содействия танков,опасаясь потерять их..Артиллерия почти вся выбыла из строя"/Ген.Врангель,стр 260/.

Так писал в своем длинном рапорте генерал Врангель 9-го декабря из Юзовки, генералу Деникину, заканчивая его словами:-"Армии, как боевой силы, нет".

Послушаем генерала Деникина: - "От командования Добровольческой армией барон Врангель отказался, предлагая сократить ее, ввиду малочисленности, в корпус. Прибывший в Таганрог по поручению барона генерал Науменко изложил его пожелание - предоставить ему, генералу Врангелю, формирование на Кубани трех конных корпусов, которые, с придачей Терского корпуса, части Донской и Добровольческой конницы, составили бы в будущем конную армию под его начальством"/стр.263/.

К этому вопросу мы вернемся потом- чем он закончился? И который надо было осуществить летом 19-го года. Перейдем к фронту.

Донское командование победило. Генерал Мамантов вернулся в свой корпус и генерал Врангель пишет:

"По передаче в Донскую армию 4-го Донского корпуса, конная группа генерала Улагая, была сведена в бригаду. Генералы Улагай и Науменко выезжали в Екатеринодар. Во главе бригады остался полковник Фостиков. На фронте положение оставалось очень тревожным. Конница красных настойчиво продолжала продвигаться вперед"/стр.268/.

Генерал Фостиков, в частном письме ко мне, сообщает следующее: - "После ранения находился на излечении в Ставрополе. 29 ноября получил телеграмму от генерала Врангеля и Улагая - безотлагательно выехать на станцию Переездную, что на Северном Донце. 4-го декабря прибыл экспрессом/локомотив и два вагона/ на Передовую и от Улагая принял все части, находившиеся там. На том же поезде, Улагай выехал в тыл. Связавшись с генералом Врангелем /Матвеев Курган/, я получил задачу:-"Спасти части и довести/как знаю и смогу/ их на Кубань".

При такой сумятице "в верхах" - фронт безудержно отсупал. 29 ноября красные вступили в Харьков/ген. Врангель, стр. 250/. 3-го декабря оставлен Киев/ген. Деникин, стр 264/.

По директиве от 15 декабря, Кавказской армии приказано отойти от Царицына за линию реки Сал, для прикрытия Ставропольскаго и Тихорецкаго направлений/ген. Деникин, стр. 264/.

Добровольческая армия была сведена в корпус пол командованием генерала Кутепова и "20-го декабря, в видах об, единения фронта - подчинен был командующему Донской армией, генералу Сидорину/там-же, стр 266/".

"К началу января 1920 года" пишет генерал Деникин на стр 268, "Вооруженныя силы Юга насчитывали в своих рядах 81.000 штыков и сабель, при 522 орудиях. Из них, на главном театре, по Дону и Салу - было сосредоточено 54.000 и 289 орудий."

При этом указывается, что - Донская армия имела 37.000, Добровольческий корпус 10.000 и Кавказская армия - 7.000 штыков и шашек.

В подробностях отмечается:

а/- Кубанскаго Войска - 5.849 штыков, 2.468 шашек и 36 орудий,
б/- Терскаго Войска . - 1.185 штыков, 1.930 шашек и 7 орудий ,
в/- Горския части ... - 490 штыков, 552 шашек и 8 орудий,
г/- Астраханскаго Войска - 468 шашек и 5 орудий.
д/- Донскаго Войска - 18.622 штыков, 19.140 шашек и 154 орудий.

Соотношение числа войск указывает, что главную, и доминирующую, силу всех крупных соединений, отошедших за Дон - составляла Донская казачья армия.

"27 декабря 1919 года, на левом берегу Дона, находилась уже вся армия" констатирует генерал Деникин на стр. 266.

И ЧТО ПРОИСХОДИЛО ТОГДА В КРАСНОМ СТАНЕ?

По книгам генералов Деникина и Врангеля - среди высшаго командnаго состава, происходило местничество. Шли смена и назначения старших генералов. Обойденные и обиженные - самовольно уезжали в тыл. Тогда, от рядового и до генерала, под видом "болезни", легко было уехать в тыл. Это я хорошо знаю и по своей дивизии, когда в полках оставалось только до десяти офицеров и все в младших чинах. И все это происходило в самые трагические месяцы отступления Вооруженных Сил Юга России, как именовались все армии под начальством генерала Деникина.

В боях, в особенности при отступлении - сила частей заключается в качествах их начальников, в заслуженном доверии к испытанным начальникам. Замена их, может быть, лучшими, но неведомыми частям - не принесут пользы. За примерами не нужно вдаваться в военную историю многих веков, когда налицо - признанные Герои в гражданской войне 1917-20 годов.

В "Красном стане", это понимали лучше. В штабе Южнаго фронта предрешено было Конный корпус Буденнаго, развернуть в Конную армию. Для этого, на совещание под Новый Оскол, прибыли - командующий Южным фронтом А.И.Егоров и члены революционнаго военнаго совета этого фронта Сталин и Ворошилов. На нем, Егоров, б. полковник генеральнаго штаба былой Русской армии, "конкретизировал задачу 1-й Конной армии", как пишет Буденный на стр. 340. Он сказал:

"Конная армия, усиленная 9-й и 12-й стрелковыми дивизиями, в качестве ударной группы войск, разсекающий деникинский фронт на всю его оперативную глубину - должна развить стремительное наступление в направлении Валуйки, Сватово, Лисичанск, Попасная, Дебальцево, Иловайская, Кутейникова, Матвеев Курган и, захватив Таганрог, выйти к Азовскому морю. Таким образом, глубина удара армии будет составлять 400-500 километров"/стр. 340, Буденный/

Столь смелый план поражает своим розмахом. Решено ударить в стыке Донской и Добровольческой армий, раз, единить их и бить по частям.

К составляющим конный корпус трем с полвиной дивизиям, приданы были: - 9-я и 12-я стрелковыя дивизии, автобронеброневанный отряд в 15 автомашин с установленными на них станковыми пулеметами, авиационный отряд в 12 самолетов и 4 бронепоезда/Буденный, стр. 346/

Здесь нужно добавить, что в красной армии, конную дивизию составляли три бригады.

Командующий Южным фронтом, А. Егоров, в своей книге "Разгром Деникина", на стр. 226, силу этой 1-й Конной армии определяет: - 9.280 штыков, 7.650 сабель и 85 орудий.

Командующим этой армией утвержден Буденный, как создатель Конnаго корпуса. При нем два члена военно-революционнаго совета его армии - Ворошилов и Щаденко. Все было сосредотсчено под единым командованием подпрапорщика Русской Императорской армии Буденнаго, который, со своею подвижною моторизованною армиею прошел с боями вышеуказанный маршрут в 400-500 километров в марте месяце 1920 года - был в Майкопе на Кубани.... В книге помещен и снимок Буденнаго с 17-ю его главными командирами, в Майкопе-же. Все они в походных мундирах, с ремнями через плечи, с казачьми шашками - донскими и кавказскими. И если эти командиры отлично экипированы и вид имеют чисто военный, почти офицерский, то два снимка "Конноармейцы под Майкопом в 1920-м году" - на упряжных лошадях с понуренными головами и с упряжными уздечками, сами одетые во что попало, сидящие небрежно в седлах - они производят удивление: - как могла такая конница красных, стать победною над храброй лихой природной казачьей конницей!?

/окончание в сл. брошюре № 5-й/.

Январь 1962г. Нью-Йорк. Полковник Елисеев.